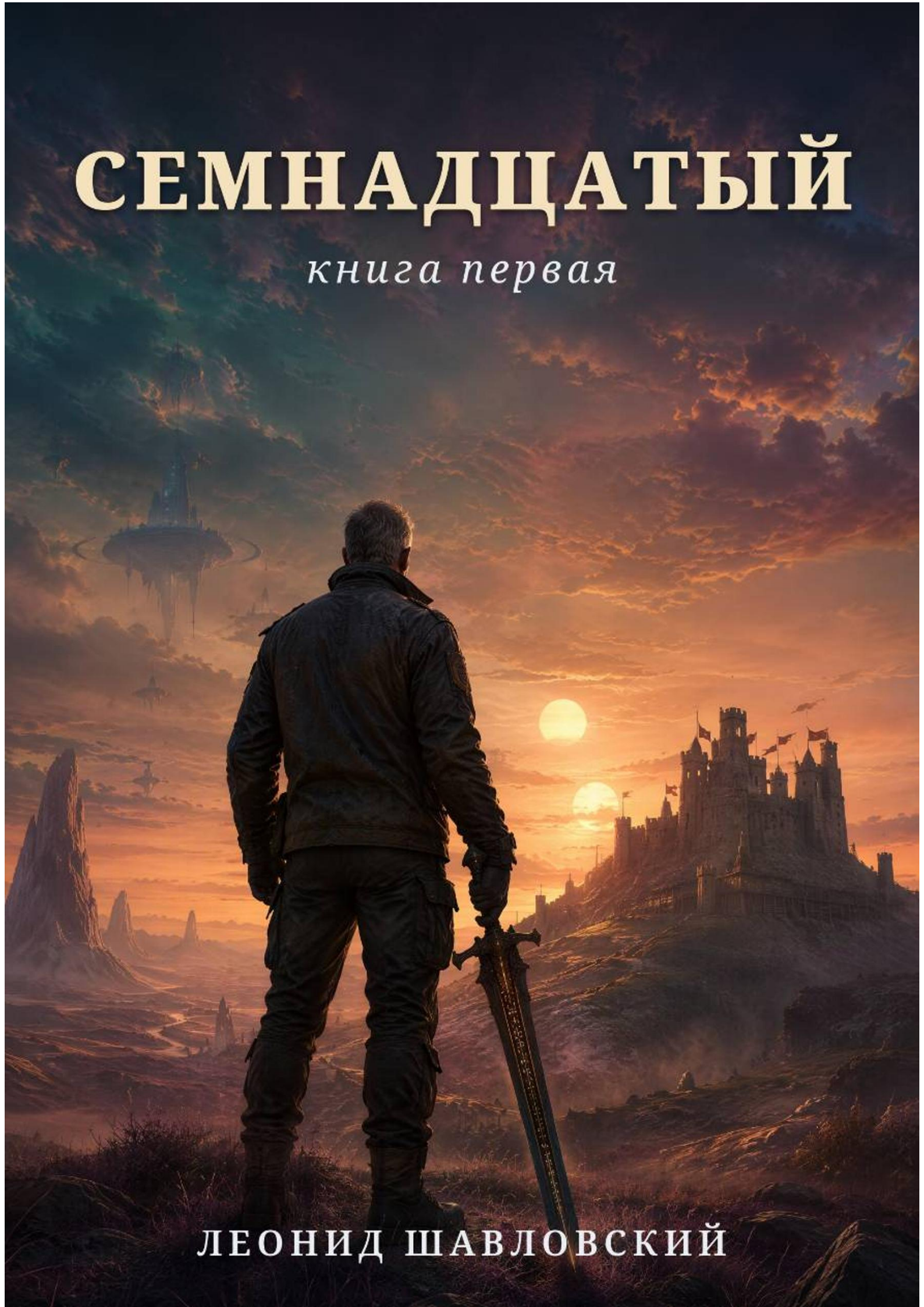

СЕМНАДЦАТЫЙ
книга первая
ЛЕОНИД ШАВЛОВСКИЙ

Леонид Шавловский

Семнадцатый Книга первая

«Автор»
2026

Шавловский Л.

Семнадцатый Книга первая / Л. Шавловский — «Автор», 2026

Ветеран последней войны, полковник Максим Тихонов, лишён всего: службы, цели и, кажется, смысла. Но у властей Земли для него особое предложение — миссия, от которой нельзя отказаться. Инопланетные «хозяева» выбрали его участником смертельной игры: на далёкой арене, где работают чужие законы, магия и система уровней, Максим должен не просто выжить — он должен победить.У него нет ни элитного снаряжения, ни знания правил, зато есть двадцать пять лет военного опыта, армейская смекалка и умение собирать вокруг себя людей — пусть даже это эльфийка с тяжёлым характером, полуорк, мечтающий о короне, вор, который платит налоги курицами, и голова, живущая на бочке. А ещё — Пустота, скрытая в нём самом, и тайна хозяев, наблюдающих за игрой сверху и уверенных, что смотрят на игрока.Первый том саги о том, как отставной полковник строит на чужой планете государство, в котором даже казнь требует имени, а банда обрастает налоговой, а свобода оказывается главным призом.

© Шавловский Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Леонид Шавловский
Семнадцатый Книга первая

Глава 1

Когда человек теряет всё, для чего он жил, его существование превращается в жалкую пародию на это определение. Так произошло и со мной.

Проснувшись от очередного кошмара, я не удивился, что постельное бельё промокло насквозь. Так бывает каждый раз, когда я просыпаюсь, и происходит это всегда в одно и то же время, ровно в шесть утра. Всё из-за тренировок, которые я прошёл при подготовке к военной службе. Было это давно, но тело, или разум, или и то и другое не смогли забыть этот нужный на войне навык, такой бесполезный в мирной жизни.

Со времён последней войны прошло двадцать пять лет. Мне повезло, что для меня это малый срок. Обычные гражданские не имеют возможности продлить жизнь: это стоит колоссальных вложений, и не только финансовых, да и не каждый способен это выдержать. Вариант, при котором можно жить вечно, существует, но для гражданских он означает несметное богатство. Я получил омоложение потому, что был офицером главной штурмовой силы нашего государства, «Северного Альянса». Нам полагалась эта процедура в возрасте пятидесяти биологических лет, и я прошёл её уже четыре раза.

Но всё хорошее кончается. Война закончилась и больше не повторится: мы победили последнего врага и объединили планету под одним флагом. Теперь наше государство зовётся «Эдем». Многие сказали бы, что я псих, раз считаю плохим то, что войны окончены и пришёл мир, но не забывайте: я солдат, и меня растили, чтобы я убивал врагов государства. От такого невозможно отучиться.

Стук в дверь вывел меня из праздного самобичевания. Я подошёл к блоку управления, увидел на дисплее человека в форме и так обрадовался, что не смог сдержать улыбку. Открыв дверь, я оказался перед штабным посыльным с конвертом в руке. Бумажными письмами пользовались только тогда, когда информация была конфиденциальной. Рядовой отдал воинское приветствие, передал конверт и удалился. Вскрывая его, я надеялся на новый приказ или хотя бы на назначение инструктором, но ошибся. Там было вот это:

Уведомление

Полковнику Тихонову Максиму Егоровичу от главного штаба Эдема. Вы отправлены в отставку, ваши услуги больше не требуются Эдему. За вами будет закреплено денежное довольствие в размере месячной зарплаты полковника вооружённых сил Эдема. Благодарим за понимание.

Начальник штаба: генерал-майор Кравцов.

При прочтении уведомления уничтожить его незамедлительно!!!

Дочитав, я, мягко говоря, разозлился на весь мир. Гнев застил всё вокруг, время пролетело незаметно. Сколько его прошло, не знаю: я осушил бутылку водки залпом и потерял счёт часам. Очнулся я в камере изолятора, в которые сажают за мелкие нарушения. Я принялся ругать себя, потом жалеть, и в пылу этого потока негативных эмоций не заметил, как к двери камеры подошёл мужчина.

— Эй ты, ты ведь Максим?

— Да. Что тебе надо? У меня нет настроения разговаривать с блюстителями закона, — усмехнулся я.

— Я не сотрудник правоохранительных органов, я из правительства.

— И что человеку столь высокого полёта нужно от меня?

— Всё просто. Меня уполномочили вытащить тебя отсюда и кое-что предложить, но не здесь.

— Я не против выйти, так что давай, вытаскивай.

Незнакомец, ничего не сказав, ушёл, и я ещё минут пятнадцать просидел в тишине, гадая, что понадобилось от меня такому человеку или его начальству. Потом дверь открылась, и меня попросили покинуть камеру. У окна в конце коридора мне вернули вещи, которые у меня конфисковали при задержании. Выйдя из отделения, я увидел того самого мужчину возле чёрного внедорожника. На таких машинах в наше время ездят редко: все предпочитают новейшие разработки наших автопроизводителей.

— Я смотрю, ты любитель классики, — сказал я, подходя.

— Вы правы. Мне интересны все технологии прошлого, считайте это моим хобби.

— Так что тебя привело? Не думаю, что птицу такого полёта заставило вытащить меня из кутузки что-то незначительное.

— Вы правы, но не здесь. Давайте обсудим это у вас дома.

Я с ходу заговорил с этим мужиком панибратски, а он продолжал обращаться ко мне на «вы», и это меня удивило. Обычно такие господа сразу злились и выходили из себя, но этот был не из обычных.

В машине мы молчали. Пользуясь тишиной, я хорошо рассмотрел своего спутника: рост около метра восьмидесяти, на пол-головы ниже меня, голубые глаза, брюнет, строгие черты лица, не выражающего никаких эмоций. Этот тип был непрост. Что-то подсказывало, что если мы начнём перепалку и мне придётся драться с ним врукопашную, он сумеет меня удивить.

Через двадцать три минуты сорок три секунды мы въехали в мой двор и поднялись в квартиру, не проронив ни слова. Едва за нами закрылась дверь и мы сели на диван, человек из правительства перешёл к делу.

— Максим, начну сразу с сути, без прелюдий. Около семи месяцев назад наше правительство установило связь с кем-то, кто не принадлежит нашему социуму, если вы понимаете, о чём я.

— Если честно, не очень.

— Я говорю о внеземных цивилизациях, которые намного опередили нас в гонке технологий. Они сообщили, что нашей планете выпала честь участвовать в неких играх. Мы должны предоставить пятьдесят человек.

— Но я не футболист, да и с другими видами спорта у меня не очень.

— Вы не поняли, Максим. Вас забросят на другую планету, вернее, как они выразились, на арену, где вам придётся выживать.

— Если честно, это звучит как бред. Пойми правильно: приходит какой-то тип из правительства и утверждает, что пришельцы хотят поиграть в футбол. Тут любой не поверит.

— Понимаю ваш скепсис, но, к сожалению, это правда.

Он достал из кейса папку с документами и передал её мне.

— Здесь все сведения, которые у нас есть. Вариантов у вас два. Если вы согласитесь, у нас будет неделя: мы проведём вам омоложение, дадим препараты для ускоренного восстановления и поможем вспомнить все ваши забытые и не совсем забытые навыки. Ну а если нет… — он посмотрел мне прямо в глаза, и хотя лицо его оставалось непроницаемым, я нутром почувствовал опасность, — то мне и ещё некоторому числу людей поручено вас устранить.

— Ого, даже так. А ты умеешь преподнести хорошие новости.

— Как говорится, краткость — сестра таланта. Я выложил всё как на духу, теперь выбор за вами.

— И сколько у меня времени?

— Решение нужно прямо сейчас.

— Ну тогда я в деле.

Пока шла подготовка, я вспоминал службу. Не ту, где я оставался от войны к войне, а ту, с которой начинал свой путь. На меня нахлынула ностальгия, я воспрянул духом, но самое главное ждёт меня в конце.

Холодов, так он наконец представился, когда мы второй раз сели за стол, оказался человеком, у которого на всё был план, а на каждый план запасной план. Первым делом он выложил передо мной график: семь дней, расписанных по часам, с обязательными пометками «приём пищи» и «сон». Я посмотрел на эти пометки и подумал, что в армии меня так не опекали даже на первом курсе.

— Вы не обязаны верить мне на слово, — сказал он, — но я обязан показать вам, что всё серьёзно.

В первый же день меня отвезли за город, в комплекс, которого не было ни на одной карте, которую я видел. Серые корпуса без окон, три линии ограждения, и на каждой линии по часовому в форме, которую я не узнал. Не армия и не гвардия. Скорее частная охрана, но слишком уж дисциплинированная для частников.

— Здесь делают то, что называют «ковчегом», — пояснил Холодов, пока мы шли по коридору. — Не пугайтесь названия. Просто ваши врачи любят красивые слова.

Врач у меня был один, хмурый сутулый человек лет шестидесяти по документам и тридцати по виду, по фамилии Левин. Он осмотрел меня так, как осматривают подержанную машину: заглянул в зубы, постучал по рёбрам, пощёлкал пальцем по колену и пробормотал: «Четыре раза. Хорошо. Ткань держится». На вопрос, что он имеет в виду, ответил: «То, что вы всё ещё не развалились».

Омоложение мне делали в пятый раз и, как и в предыдущие четыре, это было отвратительно. Тем, кто никогда не проходил процедуру, объясню: тебя кладут в капсулу, похожую на гроб из матового стекла, заливают холодной жидкостью, которая пахнет озоном и мокрой шерстью, и несколько часов делают с тобой то, о чём ты потом никому не расскажешь. Не потому, что стыдно, а потому, что слов не хватает. Ощущения такие, словно тело разбирают на детали, чистят каждую по отдельности и собирают обратно, но в порядке, который нравится не тебе, а собирающему. Когда я очнулся, у меня болело всё, включая те места, которых раньше не было.

— Двадцать пять лет, — сказал Левин, глядя в планшет. — Биологически, разумеется. Не радуйтесь раньше времени. Мышечная память при омоложении не стирается, но рефлексы придётся восстанавливать. Через три дня вы будете двигаться как мальчишка, через пять как солдат, а к седьмому дню, если повезёт, как ветеран.

— А если не повезёт?

— Тогда как ветеран, который не выспался.

Я рассмеялся, и у меня заболели рёбра. Левин впервые за день улыбнулся.

Следующие три дня я провёл в зале. Инструктором оказался молодой капитан с вывернутым носом и повадками человека, который сам себе приказывает и сам себя слушается. Он гонял меня по полосе препятствий, учил заново держать нож, ставить блоки, нырять под удары, и я с удивлением обнаружил, что тело вспоминает всё быстрее, чем я ожидал. Пальцы вспоминали хват, колени вспоминали стойку, плечи вспоминали вес. Только голова не успевала: она всё ещё жила в пятидесятилетнем человеке, которому колет в пояснице, и каждый раз, когда тело выкидывало очередной трюк, я ловил себя на детской обиде: так вот как это было, когда мне было двадцать.

— Вы дерётесь грязно, полковник, — заметил капитан на третий день, вытирая кровь из-под носа. Нос у него был вывернут не от рождения, а от моего локтя полчаса назад, но он вёл себя так, словно это его собственная идея.

— Меня учили выигрывать, а не красиво проигрывать.

— Я не жалуюсь. Я констатирую.

— Тогда констатируй дальше. Что ты знаешь про те игры?

Он пожал плечами:

— Мне велено вас готовить, а не просвещать.

Просвещал меня Холодов. Вечерами, когда я без сил валился на койку, он приходил с термосом чая, садился на единственный стул и по кусочкам выкладывал информацию. Не всё сразу, не стройно, и я быстро понял почему: сам он знал меньше, чем делал вид.

Связь с «хозяевами» установили семь месяцев назад, сказал он, и началась она не с послания, а со сбоя. В один и тот же день, ровно в шесть утра, на всех компьютерах планеты что-то мигнуло, и на экранах на секунду появилась строка символов, которых никто не мог прочесть. Строка повторялась три недели подряд. Потом расшифровали, не люди, а какая-то система, которую правительство не стало называть. Послание оказалось коротким: «Приготовьте пятьдесят. Они будут играть».

— Ровно в шесть утра, — повторил я.

— Да. Мы тоже обратили внимание на совпадение.

— Это не совпадение. Это мой будильник. — Я сказал это в шутку, но Холодов не улыбнулся.

— Возможно, не совпадение. Мы ещё выясняем, почему выбрали именно вас.

— Выбрали?

— Вы в списке под номером семнадцать. Принцип отбора нам не раскрыли. Но среди пятидесяти есть и военные, и гражданские, и несколько таких, о которых я лучше промолчу. Есть учительница музыки. Есть хирург. Есть человек, который, по моим сведениям, всю жизнь был вором.

— Вор пригодится, — сказал я. — В любой экспедиции нужен тот, кто умеет добывать то, что плохо лежит.

— Вы так думаете?

— Я думаю, что хозяева, судя по всему, сами не знают, кого берут. Они набирают вслепую и смотрят, что получится. Так делают, когда проверяют не людей, а закономерность.

Холодов смотрел на меня долго, потом отпил чая.

— Полковник, вас стоило спасать из изолятора.

— Это комплимент?

— Это констатация. Нам нужен был человек, который задаёт правильные вопросы.

— А ответы?

— Ответов у нас нет.

Мы замолчали. За окном стемнело, и в стекле я увидел своё лицо: чужое, молодое, без морщин и без тех двух складок у рта, которые я носил двадцать лет. Мне стало не по себе. Не потому, что лицо было плохим. Потому что я его не узнавал.

В предпоследний день мне выдали папку с досье на остальных сорок девять человек. Я просидел над ней всю ночь. Фотографии, возраст, специальность, рост, вес, краткая характеристика. Одни лица были жёсткие, другие растерянные, третьи улыбались так, будто их фотографировали для паспорта. Я пытался запомнить хотя бы часть: сержант Коваль, тридцать четыре года, десантник, ранение в левое плечо; Ирина Воронцова, двадцать шесть, снайпер, чемпионка по стрельбе из лука; Геннадий Рыбкин, двадцать девять, инженер-связист, особые приметы: очки и привычка грызть ногти; ещё какая-то Марина, ещё какой-то Тимур, ещё кто-то с фамилией, похожей на название лекарства.

Рыбкин, как ни странно, запомнился лучше остальных. На фотографии он смотрел мимо объектива, и во взгляде у него было не столько страха, сколько обиды: мол, за что меня сюда, я же просто чинил роутеры.

На седьмой день за мной приехала та же чёрная машина. Холодов сидел за рулём сам. Всю дорогу он молчал, и только у ворот очередного комплекса, где нас уже ждали люди в серой форме, вдруг сказал:

— Я хотел бы подарить вам кое-что.

Он вынул из кармана часы. Старые, механические, с потёртым циферблатом и стёршимся ремешком, и положил их мне на колено.

— Они ходят, — сказал он. — Мой дед получил их ещё на настоящей войне. Заводятся вручную. Вам их не разрешат взять, и я это знаю. Но я хотел, чтобы вы подержали их хотя бы минуту.

Я подержал. Часы были тёплые, тяжёлые и тикали негромко, ровно, как человек, у которого нет причин спешить. Это был самый приятный звук за всю неделю.

— Зачем? — спросил я.

— Чтобы вы помнили, что у людей, которые отправляют вас туда, тоже бывает что-то человеческое. Идите, полковник. И постарайтесь вернуться.

Я отдал часы обратно, вышел из машины и больше не оглядывался. Но звук запомнил. Он стоял у меня в ушах ещё долго, до тех самых пор, когда я оказался под двумя солнцами и услышал вместо тиканья далёкий рык.

Глава 2

«Взвод, подъём!» — с этой команды я просыпаюсь последний месяц, и сегодня я слышу её в последний раз. После завтрака у нас заключительный инструктаж.

Пока мы шли в столовую, на нас смотрели с жалостью и страхом одновременно. Я понимал почему: все эти военные и гражданские знали, что нас ждёт и что от нас зависят не только их жизни, но и жизнь всей планеты.

Завтрак был поистине царским. Нам разрешили заказать всё, что мы хотим: это последний завтрак на этой планете, а может, и в жизни. Я взял сочный стейк с гарниром из овощного ассорти, по-простому говоря, с салатом. Не знаю, зачем я выкручиваю словесные пируэты вперемешку с гастрономическими изысками, но в тот момент жизнь казалась мне такой полной и насыщенной, как никогда раньше.

За столом нас оказалось пятеро: я, сержант Коваль, снайпер Ира Воронцова, Рыбкин в своих вечных очках и ещё молчаливый парень по фамилии Тимур, чьей фамилии я так и не запомнил. Месяц в одном взводе делает людей если не друзьями, то хотя бы привычными, и мы сидели, как сидят в плацкартном вагоне на десятые сутки пути: без церемоний, без вопросов, без особого желания говорить.

Коваль ел стоя. Он вообще, сколько я его знал, не любил сидеть там, где ему не видно двери. Широкоплечий, с перебитым в какой-то давней драке носом и тяжёлым взглядом человека, который пересчитывает присутствующих по головам и откладывает в уме, кто из них в случае чего упадёт первым. Я его понимал. Сам делал то же самое.

— Стейк, — сказал он мне вместо приветствия. — Сочный, прожарка медиум. Нормально ты устроился, полковник.

— Это последний завтрак. Положено.

— Это не последний завтрак. Это завтрак перед очередным завтраком. Человек, который думает про последний, уже мёртв.

— Умно.

— Это не я. Это мой ротный. Он потом тоже умер, но по другой причине.

Ира Воронцова хмыкнула и отодвинула тарелку. Худая, жилистая, с короткой стрижкой и привычкой щуриться, будто всё время смотрела в оптику. На соревнованиях по стрельбе из лука она брала призы, в учебке показывала лучшие результаты в стрельбе на дальность, а во всём остальном была удивительно тихой. За месяц она сказала мне не больше сотни слов, но каждое по делу.

— Я не могу есть, — сказала она. — Тошнит.

— Это нервы, — заметил Коваль. — Съешь хлеба. Хлеб тошноту гасит.

— Откуда ты знаешь?

— Нас учили. А тебя разве нет?

— Меня учили стрелять. Про хлеб никто ничего не говорил.

Рыбкин сидел напротив, ковырял вилкой салат и грыз ноготь на левой руке, когда думал, что на него никто не смотрит. Я заметил это ещё в первую неделю: у человека на каждый стресс находился свой ритуал, и каждый ритуал требовал одного и того же пальца. Он поднял глаза, увидел, что я смотрю, и поспешно спрятал руку под стол.

— Я не боец, — сказал он. — Я админ. Мне вообще сказали, что я нужен для связи.

— С кем?

— С теми, кто нас забирает. Им, видимо, нужен человек, который не растеряется перед техникой. А я не растеряюсь. Я растеряюсь перед людьми, но техника меня слушается.

— Это тоже навык, — сказал я.

— Какой? Бояться людей?

— Нет. Жить так, чтобы техника тебя слушалась. Не у всякого получается.

Он удивлённо моргнул, потом криво улыбнулся. За весь месяц я, кажется, впервые сказал ему что-то приятное. Заметил это и мысленно отругал себя: в нашем положении сентиментальность была роскошью, а роскошь, как известно, дорого стоит.

В тот месяц нас учили всему, что могло пригодиться на чужой планете, и всему, что не могло, но пригодилось бы на всякий случай. Нас гоняли по горам, ночью выводили в лес и оставляли без еды на трое суток. Нас учили ставить силки, различать съедобные корни, пить из лужи, не травясь, и ночевать на дереве так, чтобы не свалиться во сне. Нас учили молчать. Нас учили стрелять из всего, что имело ствол, и бросать всё, что имело вес. Учили бить, ломать, душить, вязать узлы и потом развязывать их зубами.

Ещё нас учили не доверять тому, кто нас учит. Это было, пожалуй, самым полезным уроком, хотя его никто не проводил специально. Просто инструкторы с каждой неделей смотрели на нас всё более странно. Не жалостливо, не злобно, а так, как смотрят на животных, которых везут на ярмарку: с уважением и без иллюзий. Один из них, сухощавый майор с лицом, будто вырубленным топором, на последнем занятии прошёл вдоль строя, остановился напротив меня и тихо сказал:

— Тихонов. Вы вернётесь?

— Не знаю.

— Хорошо. Честный ответ. Все остальные говорили «так точно».

— Они врали.

— Конечно. Но врали красиво.

Он пошёл дальше. Больше мы не разговаривали.

После завтрака наш взвод и ещё два подразделения привели в аудиторию и велели ждать.

Через пятнадцать минут туда вошёл невысокий сухонький старичок с пронзительным волевым взглядом. Его слова заставили мой мозг взорваться.

— Слушайте меня внимательно. Моё имя вам ничего не скажет, так что просто делайте то, что я скажу.

— Мужчина, кто вы? — попытался возразить парень из моего взвода, но старичок молча достал пистолет и застрелил его.

— Я же сказал: слушать, а не пиздеть, — он покачал головой. — Кого они мне привели. Короче, сейчас вы поднимаетесь и все дружненько начинаете убивать друг друга. Когда от этой толпы останется пять человек, мы прекратим это увлекательное занятие.

Я никогда не думал, что хоть что-то в этой жизни сможет меня поразить, ведь я видел многое, но такого со мной не случалось.

Старик не шутил. Закончив монолог, он без тени эмоций принялся убивать кандидатов одного за другим. Оглядевшись, я увидел, что и остальные взялись исполнять приказ этого старого маразматика. Заметили и меня: какая-то девчонка оторвала щепку от стола и пошла на меня с явно дурными намерениями. Зря. Ударом правой ноги я выбил щепку у неё из руки, выставил указательный палец и вогнал его правой рукой в глазницу, до самого мозга. Смерть наступила мгновенно.

Бросив взгляд на старика, я обомлел: он уже убил двух парней и девушку. Как можно убить троих за десять секунд?

Времени на размышления не было. Я стал методично убирать всех, до кого мог дотянуться, и старался держаться ближе к стене: так число соперников сокращается, а шансы выжить растут.

Стоило мне занять позицию в углу, как на меня двинулись двое парней из моего отделения. В руках у них были ножки от стульев, и я понятия не имел, как они сумели оторвать металлические ножки, наверное, занимались этим не в первый раз. Тот, что справа, попытался ошеломить меня ударом по голове, но я принял удар на предплечье правой руки, а сложенными

пальцами левой, вторыми фалангами, ударил прямо в кадык. Я почувствовал, как под ударом кадык вошёл внутрь, и переключился на парня слева. Хорошо, что нам запретили сближаться: они решили, что вдвоём у них больше шансов, и прогадали. Первый шаг в нашей дуэли, если дуэлью можно назвать поединок посреди побоища, сделал я. Подобрав ножку от стула, я метнул её снизу вверх, и когда парень увернулся и сместил центр тяжести, вбил ему ступню в колено. Хруст, потом крик. Парень не боец. Но этого мало: кандидатов нужно добивать, чтобы они выбыли, так что мне пришлось убить и его. Я размозжил ему череп ударом стопы.

Когда на ногах осталось пять человек, старик свистнул, как свистят собаке, и всё прекратилось.

Тишина после такого боя не бывает полной. В ней что-то хрипит, что-то булькает, что-то скребёт каблуком по полу, и всё это постепенно затихает, как затихает радио на дальней волне. Я стоял в углу, по щиколотку в чужой крови, и старался не смотреть вниз. Не потому, что мне было жалко. Просто на полу лежали люди, которых я знал по именам, и смотреть на них было лишним.

Выжившие были такие: я, Коваль с разбитой губой и ножкой от стула в руке, Ира Воронцова, держащая левую руку так, словно та уже ей не принадлежала, ещё одна девушка из чужого взвода, которой я не знал, и Рыбкин. Рыбкин вылез из-под стола, когда всё закончилось, и с белым как мел лицом принялся протирать очки краем рубашки. Руки у него тряслись так, что очки он дважды уронил.

— Ты… ты что, всё это время…

— Я был под столом, — тихо сказал он. — Я не хотел.

— Живой, — сказал я. — Это главное.

— Я не воевал.

— Выживание тоже навык, — сказал я, и сам удивился, как фальшиво это прозвучало. Я бы не стал ставить на него свою пенсию. Впрочем, пенсии у меня больше не было.

Старик убрал пистолет за пазуху. Руки у него были сухие, жилистые, в тёмных пятнах, как у человека, который всю жизнь возился с землёй, и это почему-то выводило меня из себя сильнее, чем кровь на его рукаве. Он окинул нас взглядом, каким хозяин осматривает купленный скот: без злобы и без жалости, с одним лишь деловым интересом.

— Нормально, — сказал он. — Для вашей планеты даже хорошо. Остальные были балластом. Эти ребята, — он мотнул головой в сторону двери, — просили не жалеть материал. Я не жалел.

— Мы ещё не в игре, а вы уже перебили сорок пять человек, — прохрипел Коваль.

— Вы пятьдесят, они пятьдесят, — отрезал старик. — Только вы этого пока не знаете. Первичный отбор закончен. Дальше вас раскидают.

— Куда раскидают? — спросил я.

Старик посмотрел на меня внимательнее, чем на остальных.

— Тихонов, который в четвёртый раз молодой. Тебя высадят на планету. Остальных тоже, но на разные. Так захотели хозяева, не я. Стен там нет, судей тоже. Есть мир и правила. Остальное сам узнаешь.

— На планету, — повторил я. — А обратно как?

— Это вопрос уже не ко мне.

— А если я откажусь идти?

Старик усмехнулся. Улыбка у него была совсем не злая, и от этого она казалась хуже.

— Ты, полковник, уже отказался один раз. Помнишь изолятор? Тебя вытащили оттуда не для того, чтобы ты теперь выбирал.

— Я думал, это была любезность.

— Нет. Это была закупка.

Он развернулся, прошёл мимо Коваля, который невольно подался в сторону, мимо Иры, которая упёрлась взглядом в пол, мимо Рыбкина, который прижал к груди очки. У двери остановился и, не оборачиваясь, добавил:

— И вот ещё. Если у кого-то остались люди, ради которых хочется вернуться, лучше выбросьте их из головы. Пока вы будете думать о них, вы будете думать не о том.

Дверь за ним закрылась. Минуту никто не шевелился.

— Он псих, — прошептал Рыбкин.

— Он не псих, — сказал Коваль. — Он профессионал. Это гораздо хуже.

Ира сидела на полу, привалившись спиной к стене, и смотрела на свою руку. Рука была сломана в двух местах, пальцы торчали под неправильным углом, и она осматривала их с таким интересом, словно ей показывали чужой анализ.

— Я не буду её вправлять, — сказала она. — Если я начну, то заору.

— Не ори, — сказал я. — Дай посмотрю.

Я опустился рядом, взял её предплечье и коротким рывком вставил сместившиеся кости на место. Она дёрнулась и прикусила губу до крови, но не издала ни звука. Потом глубоко вздохнула и сказала:

— Спасибо.

— Не за что. Оторви кусок от рубашки, перевяжем.

Рыбкин, неожиданно для всех, достал из кармана складной нож (откуда у него нож, не знаю, но я не стал спрашивать), отрезал рукав у собственной рубашки и протянул мне. Руки у него всё ещё дрожали, но делал он это аккуратно и молча. Я кивнул ему. В этом человеке, кажется, было больше, чем я думал.

Пол начал светиться, когда я затягивал узел на Ириной руке. Сначала слабо, голубоватым пятном под ногами, потом сильнее, и вскоре весь зал оказался залит светом, не резким, а густым, вязким, как кисель. Я успел сказать:

— Держитесь, ребята.

И перестал чувствовать собственное тело.

Глава 3

Сначала я почувствовал запах.

Влажная земля, прелая листва, чуть горьковатый дым где-то очень далеко и трава, которой на Земле не бывает. Трава пахла не сеном, а чем-то вроде мяты, перемешанной с железом, и от этого запаха во рту появился металлический привкус. Потом пришла боль в затылке: меня уронили на землю, не предупредив, и сделали это с таким хозяйским безразличием, с каким кладут на полку банку консервов. Потом, наконец, я увидел небо.

Небо было неправильным. Сквозь рваные облака светили два солнца: одно жёлтое, привычное, почти земное, второе тусклое, красноватое, поменьше, словно ржавая монета, прилепленная к краю большого диска. Между ними, бледная и огромная, висела луна, и на ней я разглядел кольцо, будто кто-то нарисовал карандашом ободок вокруг чужой планеты. Я лежал и смотрел на это минуты две. Не от восторга. Опыт подсказывал, что хуже всего вскакивать сразу после перемещения в незнакомое место. Организм после такого толчка выдаёт самую глупую реакцию из возможных, а противник, если он есть, как раз этого и ждёт.

Поэтому я лежал, дышал и считал. Дыхание: шестнадцать вдохов в минуту, слишком часто. Пульс: около ста десяти. Руки целы, ноги целы, во рту вкус крови, значит, прикусил щёку при падении. Одежда на мне была не моя: серая полевая куртка, штаны из плотной ткани, высокие ботинки на шнуровке. Размер подогнали точно, что меня, признаться, встревожило сильнее, чем если бы дали что попало. Люди, которые так точно знают твой размер, знают о тебе гораздо больше, чем тебе хотелось бы.

Рядом никого не было, только шелест листвы и далёкий рык, размеры источника которого я определить не смог. Это мне не понравилось. Рык бывает разный: у мелкого зверя он высокий и злой, у крупного низкий и ленивый. Этот был где-то посередине, и вот это «посередине» и тревожило. Оно означало, что я не понимаю масштаба.

Голос прозвучал прямо в голове, ровный, без интонаций, словно диктор читал прогноз погоды в мире, где никому нет дела до погоды:

«Высадка завершена. Планета: Тарн, класс освоения 4. Носитель: человек, Земля. Возраст тела: двадцать пять лет. Участников на планете: один».

— Один, значит, — сказал я вслух. Голос был чужой, молодой, как у лейтенанта, который ещё не научился врать приказами. Омоложение сработало. Хоть что-то в этой истории оказалось честным.

«Принято. Правила: продержаться до окончания игр. Условия окончания не раскрываются. Активирован интерфейс участника».

— То есть вы даже не скажете, сколько это продлится?

Система не ответила. Я не удивился: когда тебя бросают в яму, тебе обычно не рассказывают, какой она глубины.

Перед глазами всплыла полупрозрачная рамка, как в играх, которые я гонял мальчишкой, пока меня не отдали в училище. Помню, как мы сидели вчетвером перед одним монитором, по очереди передавая друг другу джойстик, и ругались из-за каждого уровня. Одного из тех мальчишек уже тридцать лет как не было в живых, другой превратился в генерала, о третьем я ничего не слышал. А я теперь сидел в чужом лесу, и передо мной висело меню, и в этом меню не было кнопки «сохранить».

Тихонов Максим. Уровень 1

Сила: 14 · Ловкость: 16 · Выносливость: 15 · Интеллект: 12 · Восприятие: 13 · Воля: 17

Здоровье: 150/150 · Энергия: 80/80 · Мана: 0/0

Свободных очков: 5

Класс: не выбран

Спутники: 0/6

Строчку про спутников я перечитал дважды. Шесть мест. Кто-то заранее оставил пустые гнёзда, и мне очень хотелось знать, какой ценой они заполняются. В играх, которые я помнил, спутников обычно нанимали за деньги, получали за выполнение заданий или находили в трактирах. Здесь трактиров, насколько я мог судить, не наблюдалось.

Цифры тоже вызвали вопросы. «Воля: 17» была самой высокой, и я невольно усмехнулся: система, похоже, оценила меня справедливее, чем генерал-майор Кравцов. «Интеллект: 12» обидел, хотя, по здравом размышлении, человек, согласившийся на эту авантюру за одну минуту, едва ли заслуживал большего. «Мана: 0/0» означало, что магия у меня либо отсутствует, либо её нужно заслужить.

— Список классов.

Доступные классы:

Боец: рукопашный бой, оружие, выносливость.

Следопыт: ориентирование, скрытность, дистанционный бой.

Тихий: убийство из тени, яды, ловушки. Требует очищения совести. Недоступен.

Пустой: класс не определён. Магия недоступна до первого ритуала.

— Это ты на что намекаешь? — спросил я у воздуха.

Система смолчала. По всей видимости, при таком количестве трупов за плечами совесть у человека кончается по определению, и интерфейс просто констатировал факт. Я не обиделся. Обижаться на таблицу бессмысленно, особенно когда она права.

Вообще же выбор был очевиден. Следопыт вроде бы подходил под мои навыки, но все эти навыки были армейские, а армейская разведка и лесная охота отличаются так же, как стрельба по мишеням и охота на кабана. «Тихий» мне, как выяснилось, недоступен, и, признаться, я не расстроился: роль безымянного убийцы из тени понравилась мне ещё меньше, чем роль человека, которого выбрасывают на неизвестную планету. «Пустой» звучал пугающе и загадочно, а в моей ситуации всё загадочное обычно оказывалось дорогим.

Я выбрал «Бойца». Не потому, что люблю драться, а потому, что в незнакомом мире умение отбиваться пригодится раньше всех остальных навыков. Пять очков ушли в Выносливость и Ловкость: если придётся бегать, лучше бегать долго и не падать. Правило простое, проверенное годами: сначала умей удирать, потом уже побеждай.

«Класс принят. Получен навык: Закалка бойца (пассивный), уровень 1».

Я встал, не торопясь, сначала на колено, потом в полный рост, и осмотрел лес вокруг. Он был не земной, и это бросалось в глаза сразу. Серебристая кора на стволах, вдвое толще дуба, будто кто-то выкрасил деревья блестящей краской. Листва цвета старой меди, и когда налетал ветер, она звенела, как мелкая монета. Подлесок шевелился отдельно от ветра, и я решил не гадать, что именно так двигается. Воздух был влажный, тёплый, насыщенный запахами, среди которых я различал сладкое, горькое, тухлое и что-то похожее на жареный лук. Земля пружинила под ногой, как матрас.

Из имущества у меня было то, что выдала система, и я уселся на ближайший корень, чтобы всё осмотреть. Нож с широким лезвием, длиной сантиметров двадцать пять, добротный, с рукоятью, обмотанной кожей. Фляга на литр, полная. Полотняная сумка, в которой нашлись три брикета сухого пайка, сухарь размером с ладонь, кусок вяленого мяса неизвестного происхождения и свёрнутая в трубку тёплая куртка: ещё одна, сверх той, что на мне. Ни компаса, ни карты, ни спичек, ни огнива. Люди, придумавшие эти игры, не боялись, что мы умрём. Они боялись, что нам будет слишком удобно.

Оружие, прямо скажем, символическое. Если дали нож, значит, на остальное придётся добывать самому. Логика хозяев была понятна: они сами не знают, сколько мы протянем, и с любопытством ждут. Я бы на их месте вёл себя так же. Когда выпускаешь в лес пятьдесят зверей, тебе интересно не то, как они будут жить, а то, кто кого съест первым.

Я проверил, как слушаются руки и ноги. Присел раз тридцать, отжался десять раз, потянулся, подпрыгнул на месте. Тело отзывалось легко, непривычно легко, как будто я проснулся в чужой коже, которая ещё не научилась жаловаться. Колени не хрустели, поясница не ныла, дыхание выравнивалось на глазах. Это было самое приятное ощущение за много лет, и именно поэтому оно меня настораживало.

Пошёл я на звук воды. Это простое правило: в незнакомой местности ищи воду, потому что вода означает жизнь, а значит, и тех, кто эту жизнь поддерживает или у кого её отнимают. Ручей оказался в трёхстах метрах: узкий, с чёрными камнями и странно прозрачной водой, в которой плавали мелкие золотистые рыбёшки. Я не стал пить сразу. Зачерпнул ладонью, понюхал, подержал на языке. Вкус был чистый, холодный, с лёгкой кислинкой. Система, словно угадав мои сомнения, подсказала:

«Вода: безопасна. Эффект: +5 энергии».

— Спасибо, — сказал я. — Было бы любезно узнавать такое до того, как я себе обжёг язык.

Систему мои претензии не волновали. Я напился, наполнил флягу и двинулся дальше вдоль ручья, держась в тени деревьев. Через сотню шагов наткнулся на первый сюрприз.

На поляне лежало тело. Не человеческое: ростом мне по грудь, серая кожа, четыре руки, вытянутая морда, помесь ящерицы и обезьяны. Его разрубили пополам одним ударом, от плеча до пояса, и обе половины лежали метрах в полутора друг от друга. Над ними роились мухи размером с ноготь, синие, блестящие, с красными глазами. Они не обращали на меня никакого внимания: у них были заботы поважнее.

Рядом валялся короткий изогнутый клинок с тусклой синей руной на рукояти.

— Нормально тут привечают, — пробормотал я.

Значит, на планете не я один и не только участники от Земли. Поляна выглядела как место, где убили чужими руками, а не диким зверем: следы борьбы, вытоптанная трава, сломанные ветки. Рубили сверху вниз, мощно, правшой, одним ударом без второго замаха. Рана была чистая, без рваных краёв. Где-то рядом ходил профессионал. Профессионал, которому не нужно было добивать.

Я присел на корточки и осмотрелся ещё внимательнее. Следов было много, но разобрать их я не мог: земля мягкая, отпечатки глубокие, расплывшиеся. Только один выделялся: огромный, больше моего ботинка втрое, с тремя пальцами и глубоким продавленным пятном от пятки. Тот, кто его оставил, весил как небольшая лошадь, а может, и больше. Тот, кто в одиночку разрубил существо в человеческий рост одним движением.

Подобрав клинок, я почувствовал лёгкое покалывание в ладони.

«Предмет: Клинок Серых. Редкость: необычный. Урон: 12–18. Свойство: поглощает энергию убитых (малый шанс получить заряд)».

Хороший клинок. Балансировка отличная, рукоять легла в ладонь так, словно её отливали по моей руке, лезвие чуть изогнуто и остро, как бритва. Я вспомнил свой нож, символическое оружие из «приветственного пакета», и без сожаления спрятал его в сумку. Теперь у меня было, чем отбиваться.

И всё-таки меня не оставляло ощущение, что я забрал чужую добычу.

Из зарослей слева донёсся треск.

Я перехватил клинок и ушёл за ствол, не думая, на инстинктах. Дыхание ровное, ладони сухие, сердце бьётся быстро, но без паники. Тело работало лучше, чем я привык, и это была вторая хорошая новость за день. Первая звучала так: я до сих пор жив.

Треск повторился, ближе. Осторожные шаги, лёгкие, быстрые. Для убийцы, разрубающего существ надвое, слишком лёгкие. Я выждал, пока шаги не приблизились на пять-шесть метров, и тогда из кустов вышел не убийца.

Вышла девочка.

Невысокая, тощая, с кожей цвета тёмной меди и огромными глазами с фиолетовой радужкой. Уши длинные, заострённые, на левом цепочка с камнем, который тускло мерцал в сумерках. Одежда на ней была из кожи и грубой ткани, сшита наспех, местами штопана. В руках она сжимала самодельный лук, туго стянутый жилой, за спиной болтался колчан с тремя стрелами. Три стрелы, и ни одной лишней.

Она увидела клинок. Увидела тело. Застыла, как застывает лань на дороге. Потом тихо, на ломаном языке, который система мгновенно перевела мне в голову, сказала:

— Не убивай. Я не враг. Я Лиара. Я одна.

Я опустил оружие на пару сантиметров. Не полностью. После сорока пяти трупов в аудитории я твёрдо усвоил, что дети тут не всегда дети. Девчонка, которая отломала щепку от стола и пошла на меня с явно дурными намерениями, была ненамного старше этой.

«Обнаружено разумное существо. Раса: лесной эльф (мир Ласуррия). Статус: участник. Доступно действие: Предложить союз».

Передо мной вспыхнула кнопка, как в дурацкой игре. Простая, зелёная, с надписью «Предложить союз». Я посмотрел на девочку, на кнопку и снова на девочку. «Спутники: 0/6». Союзники иногда предают, а одиночки обычно просто умирают, и разница между этими вариантами не в пользу вторых.

— Лиара, — сказал я медленно, подбирая слова, которые система сможет перевести. — Ты видела, кто убил это существо?

Она кивнула, не отрывая глаз от клинка.

— Он большой. Кожа как камень. Ушёл к реке. Нам надо уйти, пока он не вернулся. Он не любит тех, кто стоит у его добычи.

— Вот как. А ты что тут делаешь?

— Ищу воду. Вода у реки. Там он.

— Значит, воду мы ищем вместе, — сказал я. — Тогда у нас, похоже, общие интересы.

Она посмотрела на меня долгим, оценивающим взглядом. В этом взгляде не было ни детской наивности, ни страха. Только холодный расчёт существа, которое давно научилось выживать само. Я узнал этот взгляд: так смотрят на незнакомого человека, пока решают, застрелить его сейчас или потом.

Потом она едва заметно кивнула.

Я нажал кнопку.

Глава 4

Бежать от существа, которого ты не видел, занятие унизительное. Но я командовал людьми двадцать пять лет и усвоил главное правило: если местный говорит «уходим», а ты не знаешь местность, ты уходишь, а обижаешься потом, когда выживешь.

Лиара вела меня по звериной тропе, и я скоро понял, что шаги у неё беззвучные, а у меня как у слона на паркете. Она ставила ногу с носка, перекатывалась на пятку, обходила сухие ветки и сучья, словно знала заранее, где они лежат. Я же топал, как рота на плацу. Система любезно показала мне это цифрами: «Скрытность: 3. Окружающие слышат вас за 40 метров». Лиара, судя по всему, имела ту же цифру, только с другим знаком.

— Тише, — прошептала она в третий раз.

— Я стараюсь.

— Стараешься громко.

— Это врождённое.

— Лечить надо.

Я промолчал. Спорить с человеком, который прав, значит терять время и воздух, а того и другого у меня было в обрез.

Мы шли минут двадцать. Лес становился гуще, стволы теснее, воздух тяжелее. Где-то высоко над головами что-то кричало: хриплые, отрывистые вскрики, похожие на карканье, только с каким-то металлическим призвуком. Лиара каждый раз вздрагивала и поднимала голову. Я тоже. Когда двое незнакомых людей идут по незнакомой местности, они поневоле начинают двигаться синхронно, как два конька на одном привязном ремне.

— Ты старше, чем выглядишь, — сказал я на ходу. Я не спрашивал, я констатировал: у девочек не бывает такого взгляда, каким она осматривала кусты.

— Мне сорок три, — сказала она, не оборачиваясь. — У нас это ещё детство. Но я уже убивала.

— Кого?

— Охотников за шкурами. Они хотели убить моего отца.

— И как?

— Хорошо. Стрелой в глаз. Он не успел сказать «ой».

Я кивнул. Мы поладим.

— А где отец сейчас?

— Не знаю, — сказала она после паузы. — Нас раскидали. Меня взяли из дома ночью, как берут щенков из выводка. Я проснулась уже здесь, на камне, у воды. Отца я не видела с тех пор. Сестру тоже.

— У тебя есть сестра?

— Была. Найра. Старшая. — Она запнулась, и голос у неё стал плоским. — Нас забрали вместе. Но выбросили в разных местах.

Я не стал спрашивать дальше. Не из деликатности. Просто знал, что чем больше ты расспрашиваешь человека о потерянных, тем быстрее он замыкается. Лучше дать ему самому решить, когда рассказать остальное.

Рык за спиной повторился, ближе. Земля слабо дрогнула, и я отчётливо понял, что тот, кто идёт по нашим следам, весит не меньше тонны. Лиара свернула на узкий каменистый склон, и я пошёл за ней, придерживаясь одной рукой за ветки. Ветки, надо сказать, отвечали: одна из них попыталась меня укусить. Укусить, не поцарапать. Я успел отдёрнуть руку, и на месте, где только что был мой палец, клацнули зубы. Я вытащил клинок и оторвал ей, если можно так выразиться, голову. Из обрубка потекло что-то фиолетовое и вязкое, как кисель.

— Хищная лоза, — спокойно пояснила Лиара. — Не трогай их. Они злопамятные.

— Это растение?

— Это растение со вкусом к мясу.

— Замечательно. В моём мире растения хотя бы не мстят.

— В нашем растения живут дольше, чем те, кто ими питается. Потому и мстят.

Я посмотрел на оторванный побег. Из зубастого обрубка торчали мелкие нити, похожие на нервы. Нити шевелились, будто пытались найти потерянную часть тела. Мне стало неприятно. Я вытер клинок о траву и поклялся себе, что больше не буду хвататься за ветки без крайней необходимости.

Склон вывел нас к реке: широкой, быстрой, с чёрной водой и белой пеной на перекатах. На другой стороне стоял такой же серебристый лес, густой, неподвижный, как нарисованный. Между нами был брод, который не обещал ничего хорошего. Вода неслась мутными бурунами, закручивалась вокруг подводных камней и уходила вниз с глухим рокотом. Глубина метра полтора, прикинул я на глаз, а у дальнего берега ещё глубже.

— Переходим здесь, — сказала Лиара.

— Здесь глубоко.

— Здесь они не охотятся.

— Кто «они»?

Она промолчала, и это была лучшая рекомендация, какую я слышал за последние сутки. Я привык, что люди, которые не хотят объяснять, обычно знают больше, чем стоило бы. Но спорить было некогда: рык раздался опять, и на сей раз я различил в нём что-то вроде слов, отрывистых, злых, похожих на лай бродячего пса, который научился говорить.

Я уже собирался шагнуть в воду, когда за спиной хрустнуло дерево.

Не ветка. Дерево. Толстый ствол в два обхвата переломился как спичка, и крона, вздрогнув, накренилась и ухнула вниз, прибив к земле половину подлеска. Я развернулся с клинком наперевес и увидел его.

Ростом он был метра три. Кожа в самом деле напоминала гранит: серо-бурая, с тёмными прожилками, в трещинах у суставов росли мох и мелкие грибы, похожие на опята. Голова вросла в плечи, лицо плоское, будто его долго били, но так и не смогли расплющить до конца. Глаза крошечные, жёлтые, умные, с вертикальным зрачком. В правой руке он держал дубину, которая когда-то была стволом молодого дерева, а на поясе у него болтались два десятка чужих ушей.

Ушей. На верёвочке. Как бусы.

Некоторые были маленькие, зелёные, остроконечные. Некоторые серые, мясистые. Одна пара человеческих. Я постарался не смотреть на них слишком пристально.

— Ну, здравствуй, — сказал я. — Ты, надо полагать, местный завхоз?

Он осмотрел нас обоих, остановил взгляд на клинке в моей руке и заговорил. Голос был низкий, как скрип несмазанных ворот, и система перевела без задержки:

— Это был мой серый. Клинок мой тоже.

— Он у него лежал, — возразил я. — Я не вор, я санитар. Подобрал бесхозное.

— Хозяин был я.

— Тогда у нас имущественный спор.

Он помолчал, и в этой паузе я успел заметить, как напряглась Лиара, как у неё побелели костяшки пальцев на луке и как на лице проступило что-то вроде обречённого спокойствия. Она уже мысленно прикидывала, сколько стрел успеет выпустить, прежде чем её раздавят.

Он произнёс самое неожиданное, что я мог услышать:

— Мне нравится, как ты говоришь. Я тебя убью быстро.

— Очень мило с твоей стороны. А можно медленно, с обсуждением?

— Нет.

— Жаль. Я вот думал предложить обмен: клинок на информацию.

— Какую?

— Например, где здесь можно поесть.

Он посмотрел на меня так, как смотрят на муху, которая внезапно заговорила. Потом поднял дубину. Лиара тихо выругалась на своём языке и вскинула лук. Я шагнул вперёд и понял, что у меня есть ровно один шанс из трёх.

Первый: он убивает меня сразу. Второй: он убивает меня не сразу. Третий: он убивает Лиару, а потом меня. Все три я оценил как плохие, но третий хотя бы давал время подумать.

Глава 5

Первый шанс я потерял сразу.

Дубина просвистела над головой, и я почувствовал ветер от удара так явственно, что мне захотелось вернуться в аудиторию и убить ещё пятьдесят человек, лишь бы не стоять тут. Скорость у этой туши была как у боксёра-тяжеловеса, а вес как у трактора. Я ушёл вниз и в сторону, рубанул клинком по бедру. Лезвие со звоном отскочило, как от наковальни. Руна на рукояти ослепительно мигнула, будто пыталась возмутиться, но не смогла.

«Урон: 2. Сопротивление цели: физическое: высокое».

— Лиара, стреляй в глаза!

— Он прищурится!

— Пусть щурится! Хоть какой-то результат!

Стрела ушла и с хрустом застряла у него в брови. Каменный великан взревел, выдернул её двумя пальцами и посмотрел на нас с интересом. На лбу у него осталась красная полоса, из которой лениво тянулась тёмная кровь. Потом ударил с левой, и тут уж я не успел. Меня подбросило, словно кулёк, я пролетел метров пять и приложился спиной о ствол так, что в глазах вспыхнули искры.

«Здоровье: 61/150».

— Прекрасное начало, — выдохнул я, сплёвывая кровь. — Три секунды боя, и я уже на сорока процентах.

В ушах звенело. Рёбра ныли, одно, кажется, треснуло. Левая рука онемела. Я попробовал пошевелить пальцами: слушаются, значит, ключица цела. Хоть что-то в этот день было мне на руку.

Он шёл ко мне неторопливо, как мясник к привязанному бычку. Земля вздрагивала под его шагами, и я чувствовал эти вздрагивания затылком. Я смотрел на него и считал. Тонна живого камня, медленный в разворотах, быстрый в ударах, сопротивление к рубящему. Значит, рубить бесполезно. Значит, надо использовать то, чем камень не может сопротивляться: вес и гравитацию. Камень тонет. Камень падает. Камень не умеет держаться на воде.

Мысль была дикая, но других у меня не было.

— Лиара! — крикнул я. — Река! Заводи его в воду!

— Он умеет плавать!

— Каменные не плавают!

— Откуда ты знаешь?!

— Я не знаю, я надеюсь!

Лиара, надо отдать ей должное, не стала задавать лишних вопросов. Она зашла сбоку, перебежала на мелководье и принялась стрелять, быстро, зло, почти не целясь: в колено, в бедро, в локоть, в подмышку, в любое место, где камень давал трещину. Стрелы застревали, ломались, отскакивали, но он повернулся к ней, и этого хватило. Я вскочил, пробежал три шага, прыгнул ему на спину и обхватил за шею обеими руками. Он попытался меня стряхнуть, но человек, цепляющийся за шею тонне камня, держится крепче, чем кажется. Я чувствовал под ладонями его кожу: шершавую, тёплую, как нагретый солнцем валун.

— Что ты делаешь? — прорычал он.

— Приглашаю на водные процедуры, — сказал я и рванул его назад всем весом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.